

Дискуссии и обсуждения

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВОЙ СТАДИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ В РОССИИ

М. Я. Волков

В статье Л. В. Милова, опубликованной в журнале «Вопросы истории», возобновляется дискуссия по двум проблемам переходной от феодализма к капитализму эпохи — первоначального накопления и генезиса капитализма в России. При этом автор уделяет (и, на наш взгляд, оправданно) наибольшее внимание первой проблеме¹. Ее изучение как отдельной самостоятельной темы началось сравнительно недавно, и многие вопросы нуждаются еще в широком обсуждении. Содержание этого процесса в России, его суть и результаты не вызывают заметных расхождений среди советских исследователей. Все они в основном придерживаются того мнения, что, во-первых, процессы первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений примерно совпали во времени, во-вторых, отсутствовал особый исторический период первоначального накопления, предшествовавший периоду генезиса капиталистических отношений, в-третьих, этот процесс до 1861 г. оставался незавершенным. Правда, Л. В. Милов пишет, что для некоторых историков характерно «толкование процесса первоначального накопления как ряда явлений, имевших место до капитализма» и что, по их представлениям, существует особый исторический период первоначального накопления, предшествовавший периоду генезиса капиталистических отношений. На этих позициях стоят, по его мнению, историки, которые усматривают явления первоначального накопления в России в XVI, XVII и XVIII веках². Однако суждения Л. В. Милова о взглядах его оппонентов по данному вопросу есть скорее одна из издержек полемики. Если брать не отдельные факты (например, оценку деятельности Строгановых, Демидовых, Меншикова и т. п.), как это делает Л. В. Милов, а рассматривать, по существу, позиции историков, находивших явления первоначального накопления в России XVI, XVII или XVIII вв., то нетрудно убедиться, что в те же столетия они усматривают и явления, свойственные генезису капитализма, то есть исходят из наличия обоих процессов и их одновременного развития³.

¹ Л. В. Милов. О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России. «Вопросы истории», 1969, № 7.

² Там же, стр. 92—94, 96.

³ См., например: Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. «Десятый международный конгресс историков в Риме». М. 1956; Б. Б. Кафенгауз. К вопросу о первоначальном накоплении в России. «Вопросы экономики, планирования и статистики». Сборник статей. М. 1957; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России. М. 1958; Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отно-

В уточнении, на наш взгляд, нуждается только один вопрос затронутого выше соотношения между процессом первоначального накопления и процессом генезиса капитализма, а именно — вопрос о критерии, который позволил бы отделить результаты, ставшие органической частью процесса первоначального накопления, от иных последствий разложения феодального строя⁴. Без этого нельзя отличить случаи разорения и обнищания непосредственных производителей, имевшие место до начала процесса первоначального накопления, от подобных же случаев на первой стадии его развития.

Л. В. Милов считает, что первоначальное накопление означает только такую экспроприацию, «в ходе которой или в результате которой создаются отношения труда и капитала»⁵. В общих чертах ответ нам кажется правильным, но он не содержит в себе указанного критерия. Между тем у К. Маркса и В. И. Ленина есть более точный ответ. «Первоначальное образование капитала», — писал К. Маркс, — происходит просто потому, что стоимость, существующая в виде *денежного богатства*, ходом исторического процесса разложения предшествующего способа производства наделяется способностью, с одной стороны, *покупать* объективные условия труда, с другой — *выменивать* на деньги сам *живой* труд у ставших свободными рабочих»⁶. Покупка же как «объективных условий труда», так и «самого живого труда» осуществляется в одном месте — на рынке. Об этом К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин писали много раз⁷. Через рынок выявляются результативные стороны процесса экспроприации непосредственных производителей: здесь происходит наделение денежного богатства способностью превращаться в капитал, здесь же производители, освобожденные «ходом исторического процесса разложения прежнего способа производства» от средств производства, превращаются в продавцов рабочей силы. Рынок есть звено, которое соединяет оба процесса — первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений. Для составных элементов первого процесса это звено является конечным пунктом их развития, а для составных элементов второго процесса — его начальным пунктом: выявив на рынке свои результативные стороны, элементы, освобожденные разложением старого способа производства, становятся здесь же элементами нового способа производства.

Отсутствие рынка рабочей силы — бесспорный показатель того, что происходящие в феодальном обществе разорение и обнищание производителей следует оценивать как явления, не связанные с процессом первоначального накопления. Напротив, появление рынка рабочей силы показывает, что перед нами не пауперизация, а первоначальное накопление. Правильное использование этого критерия позволяет избежать неправомерно ранней датировки возникновения процесса. Пользуясь им, можно определить, что органической частью процесса первоначального накопления являются лишь те результаты экспроприации непосред-

шений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск. 1963; И. А. Булыгин, Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий. Начальный этап генезиса капитализма в России. «Вопросы истории», 1966, № 10.

⁴ Соотношение между процессами первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений наиболее обстоятельно рассмотрено Л. В. Миловым. Его главные выводы — что первоначальное накопление обязательно приводит к образованию капиталистических отношений и что без такого итога нет процесса первоначального накопления — хорошо аргументированы и не вызывают возражений (Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 94—96, 107—108).

⁵ Там же, стр. 94, 95.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1, стр. 498.

⁷ См., например: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 212; т. 23, стр. 177—178, 180, 726.

венных производителей, которые приводят к встрече на рынке двух очень различных видов товаропроизводителей — собственников денег и продавцов рабочей силы⁸. Или, говоря иначе, частью его являются те результаты этой экспроприации, которые ведут к формированию и росту рынка рабочей силы и через него к возникновению капиталистических отношений.

Главные расхождения у советских историков по данной проблеме начинаются при попытках охарактеризовать процесс первоначального накопления в дореформенной России. Они объясняются, по нашему мнению, тем, что часть историков недооценивает влияния на формы, в которых выявлялась сущность процесса (иначе говоря, на проявления этого процесса), особенностей внутреннего строя старого способа производства в каждой данной стране, обусловивших его прочность, и ряда других обстоятельств, воздействовавших на развитие этого способа производства в период разложения. К. Маркс писал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁹. Эти обстоятельства не меняют сути процесса первоначального накопления и его результатов, так как этот процесс возникает и получает развитие в каждой стране при наличии однотипного экономического базиса. Но они накладывают отпечаток на проявления этого процесса и его результаты — на темпы и масштабы экспроприации производителей, формы их отделения от средств производства и связи с рынком рабочей силы, на соотношение между насильственными и «ненасильственными» методами экспроприации, темпы формирования рынка рабочей силы, темпы развития капиталистических отношений, длительность подчинения купеческого и ростовщического капитала промышленным.

Учет влияния эмпирически данных обстоятельств столь же важен, сколь и использование в качестве критерия рынка рабочей силы. Такой учет позволяет распознать развитие процесса первоначального накопления в то время, когда оно находило проявление в наименее «чистых» формах, и избежать неправомерно поздней датировки возникновения этого процесса.

В литературе, в том числе и в работах о первоначальном накоплении, уже отмечалось, что феодальный строй России, сравнительно с феодализмом стран Западной Европы, отличался особой прочностью. Здесь можно отметить два обстоятельства, обусловивших появление этой прочности. Во-первых, крепостничество в России, которое в XIV — первой половине XVI в. было лишь одной из форм (отнюдь не определяющей) феодальных отношений, превратилось в конце XVI — начале XVII в. в определяющую форму и оставалось таковой до середины XIX века. Во-вторых, в России имелась возможность, которая широко использовалась, для распространения феодально-крепостнических отношений шире. Наличие на юге и востоке страны слабо заселенных и мало освоенных пространств, а нередко — не заселенных и не освоенных вовсе, стимулировало их колонизацию, которая продолжалась несколько столетий. Колонизация поглощала значительную часть результатов разложения старого строя в центральных областях страны. Земли же на окраинах Европейской России, колонизованные крестьянами, раздавались в XVII—XVIII вв. феодалам-крепостникам и включались в дворцовое вотчинное хозяйство, что являлось одним из путей распростране-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 726.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 354.

ния феодально-крепостнических отношений на новые территории и вело к укреплению экономического и политического господства класса феодалов-крепостников¹⁰. «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России,— отмечал В. И. Ленин,— а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всеильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»¹¹.

Утверждение и распространение крепостничества, продолжавшееся до середины XIX в., не остановило и не могло остановить поступательного развития страны. Но с крепостничеством связано ухудшение условий для развития одного из основных прогрессивных процессов, в котором находило выражение поступательное движение производительных сил,— отделения промышленности от земледелия. В частности, прикованность массы производителей к своему месту жительства, сословию и феодальному владельцу послужила причиной замедленного роста городов в России. Крепостничество ни в какой мере не улучшило условий для развития хозяйств крестьян. Напротив, с момента его утверждения ухудшение этих условий становится главной тенденцией развития феодально-крепостнических отношений. Постоянно ухудшалось и правовое положение крестьянства.

Тормозящее влияние названных выше обстоятельств на разложение феодального строя и развитие капиталистических отношений признают, по сути дела, все советские историки. Согласно им и с тем, что в условиях феодально-крепостнической России не могло быть, особенно в самом начале, ни интенсивной экспроприации непосредственных производителей, ни бурного роста капитализма. Однако степень развития элементов нового в XVI—XVIII вв. и характер эволюции старого строя оцениваются советскими историками очень различно. Расхождения нашли выражение в датировке начала процессов первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений. Одни историки относят это начало к XVI в., другие — ко второй четверти или середине XVII в., третьи — к 60-м или 70-м годам XVIII столетия.

Утверждения сторонников первой и третьей датировок связаны во многом, во-первых, с переоценкой степени развития элементов нового и разложения старого до XVII в. и, во-вторых, с недооценкой значения тех же явлений в XVII—первой половине XVIII века. И то и другое, хотя и в различной мере, присуще сторонникам обоих, казалось бы, столь полярных, точек зрения. Например, переоценка степени развития ростков капиталистических отношений характерна не только для Д. П. Маковского — сторонника первой точки зрения, но и для авторов коллективного доклада «Переход России от феодализма к капитализму» — сторонников третьей точки зрения. Почти одинаково оценивают они и утверждение крепостничества, полагая, что оно поглотило ростки нового, то есть сторонники и первой и третьей точек зрения недооценивают развитие элементов нового и разложения старого после утверждения крепостничества¹².

Л. В. Милов справедливо, на наш взгляд, видит одну из причин переоценки явлений нового в XVI—XVII вв. в отождествлении денеж-

¹⁰ Часто пишут о распространении в XVII—XVIII вв. просто феодальных отношений. Это неверно хотя бы уже потому, что у марийского, мордовского, татарского, чувашского и других народов Европейской России феодальные отношения получили развитие задолго до XVII века. Поэтому следует говорить о распространении либо феодально-крепостнических, либо просто крепостнических отношений.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 16.

¹² См. Д. П. Маковский. Указ. соч.; Н. И. Павленко. Спорные вопросы генезиса капитализма в России. «Вопросы истории», 1966. № 11; «Переход России от феодализма к капитализму». Коллективный доклад, подготовленный И. Ф. Гиндиным, Л. В. Даниловой, И. Д. Ковальченко, Л. В. Миловым, А. П. Новосельцевым, Н. И. Павленко (отв. ред.), М. К. Рожковой, П. Г. Рындыонским. «Переход от феодализма к капитализму в России». Материалы Всесоюзной дискуссии. М. 1969.

ного богатства с капиталом, форм организации крупного производства, свойственных и феодализму, с капиталистическими формами производства, и всех случаев найма — с капиталистическим наймом. Справедливы, по нашему мнению, и многие критические замечания Л. В. Милова, когда он оценивает случаи названных отождествлений (оценка найма поденщиков, многих фактов использования наемного труда в монастырском и государственном хозяйствах, дворцовых промышленных заведений — Хамовных слобод и сел, Оружейной палаты, царицыных мастерских палат, Пушечного двора и т. д.). Л. В. Милов подчеркивает, что К. Маркс и В. И. Ленин при рассмотрении процессов первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений пользовались термином «наемный труд» в «строго экономическом смысле», понимая под этим только «труд, полагающий капитал, производящий капитал», и четко отделяли этот труд от других форм свободного труда, в том числе и связанного с наймом¹³.

Вторая причина переоценки ростков нового и разложения старого до XVII в. связана с неизученностью многих явлений XV—XVI веков. Это приводит к отождествлению с наймом тех случаев, которые именуются «наймом» (а стороны, участвующие в этих отношениях, — купцами и «наймитами», «казаками» и т. д.) лишь в источниках того времени. Отождествления этих случаев с капиталистическим наймом не избежал и Л. В. Милов, но, пожалуй, в наибольшей степени они характерны для Н. И. Павленко¹⁴.

Отметим лишь некоторые из этих неизученных явлений, предложив их оценку в связи с рассматриваемой проблемой. Известно, например, что ганзейские купцы, прибывавшие в XIV—XV вв. к устью Волхова, могли транспортировать свои товары далее только с помощью русских людей: лоцманов и лодочников (являвшихся владельцами лодей), которым принадлежало монопольное право перевозки этих товаров до Новгорода и обратно, извозчиков и носильщиков, которые обладали таким же правом, но только при транспортировке товаров от пристани до Немецкого и Готского дворов. Корпорация носильщиков в Новгороде существовала и позднее, в первой половине XVI века¹⁵. До самой середины XV в. монопольным правом переправы судов к озерам Словенскому и Порозбицкому (в Белозерской земле) и обратно обладали только жители черных деревень волости Волочка Словенского («волочане»). С 1454—1455 гг. это право получили и крестьяне Кириллова и Ферапонтова монастырей¹⁶. Однако ущемление права черных волостных людей не изменило отношений между гостями, владельцами судов, и «волочанями»: как и прежде, гости не могли переправлять суда с помощью своих людей, зависимых или наемных, так как право «волочения» оставалось за узким кругом местных людей (он лишь расширился за счет крестьян двух монастырей). Доставка поморской соли по Онеге до кон-

¹³ Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 97—99.

¹⁴ Н. И. Павленко пишет, например: «Ни один крупный торговец никогда (именно так. — М. В.) не довольствовался чисто торговой прибылью, он получал и прибавочную стоимость, хотя бы уже потому, что эксплуатировал транспортных рабочих» (Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 82). Таким образом, получается, что отношения между купцом и транспортными рабочими всегда имеют капиталистический характер, вследствие чего купец присваивает прибавочную стоимость. Характеризуя виды производства, которые с момента своего возникновения предполагают наличие кооперации работников, Н. И. Павленко снова пишет: «Если ресурсов семьи не доставало, то кузнец (солепромышленник) прибегал к найму работников или учеников» (там же, стр. 93). То есть у автора всегда существуют солепромышленники и кузнецы, вынужденные прибегать к найму работников. Иной альтернативы Н. И. Павленко не видит и поэтому вольно или невольно «удревняет» процесс зарождения капиталистических отношений.

¹⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.-Л. 1947, стр. 101—102.

¹⁶ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», Т. II. М. 1958, № 159.

ца XVI в. была монополией местных жителей, причем не только местных торговых людей, но и транспортных рабочих, так как было установлено, чтобы «оприч каргопольцев — городских людей и посадских людей и становых и волостных, — белозерцы и Вологодского уезда крестьяне» не нанимались «соли возить в судех»¹⁷. Такие местные корпорации, в которые люди объединялись подчас только на основании обладания каким-либо монопольным правом (например, право «волочения» судов), были распространенным явлением в XV—XVI веках. С их существованием было связано, в частности, разделение сухоходвинского речного пути на три участка. Следы такого деления сохранила специализация носников этого пути еще в XVII в.; верхнесухонские носники водили суда между Вологодой и Тотьмой, нижнесухонские — между Тотьмой и Устюгом Великим и двинские — от Устюга Великого до устья Двины¹⁸.

Лодочники, носильщики, «волочане» и другие категории людей, объединенных в местные корпорации, в тех случаях, когда они вступали в договорные отношения с купцами, именовались в источниках XV—XVI вв. «наймитами». На этом основании договор между ними и купцом некоторые исследователи отождествляют с договором о капиталистическом найме. Но, заключая договор с ними, купцы не присваивали прибавочной стоимости. Даже при «найме» транспортных рабочих (носильщиков Новгорода, «казаков» Каргополя), не говоря уже о «найме» лодочников, владевших транспортными средствами, купцы оплачивали стоимость транспортировки товаров, то есть стоимость рабочей силы плюс стоимость созданного ею прибавочного труда. Рынок рабочей силы, капитал и различные формы капиталистической кооперации не могли возникнуть без ликвидации этих монопольных прав и разрушения существовавших на их основе местных корпораций. «Местные привилегии, дифференциальные пошлины и всякого рода исключительные законы, — писал Ф. Энгельс, характеризуя строй феодальной эпохи, — стесняли не только торговлю чужестранцев или жителей колоний, но довольно часто также и торговлю целых категорий собственных подданных государства; цеховые привилегии всюду и всегда стояли поперек дороги развитию мануфактуры»¹⁹.

Поэтому, хотя в XVI в., особенно во второй его половине, были несколько подорваны прежние монопольные права, разрушались старые формы владения соляными варницами, росла эксплуатация наемного труда, пока, по нашему мнению, нет оснований датировать начало процесса формирования рынка рабочей силы, а в связи с этим и процессов первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений второй половиной XVI в., не говоря уже о более раннем времени. Следует уточнить и вывод авторов упомянутого коллективного доклада о возникновении «очагов капиталистических отношений» с конца XV века²⁰.

Недооценка развития нового и разложения старого в XVII—первой половине XVIII в., которая приводит часть историков к отрицанию наличия в России того времени процессов первоначального накопления и генезиса капитализма, объясняется двумя главными причинами. Она связана, во-первых, с неверным пониманием такой экономической категории, как промышленный капитал. Часто к разновидностям промышленного капитала не относят капитал, вложенный в транспортную промышленность, в добывающую и некоторые отрасли обрабатывающей

¹⁷ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, стр. 129; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 266.

¹⁸ П. А. Колесников. Организация нижнесухонских носников в XVII в. «Русское государство в XVII веке». Сборник статей. М. 1961, стр. 182—183.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 107.

²⁰ «Переход от феодализма к капитализму в России», стр. 35.

промышленности (рыбные промыслы, винокурение, кожевенное производство и т. п.)²¹. Неверное понимание категории «промышленный капитал» влечет за собой неправильную оценку процесса генезиса капиталистических отношений в XVII — первой половине XIX в., в частности мануфактуры и понятия «мануфактурный период», а следовательно, и процесса первоначального накопления. Указанная недооценка порождается, во-вторых, тем, что слабо изучено влияние эмпирически данных обстоятельств на формы, в которых в России выявлялось развитие процессов первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений. Это ведет к их отрицанию для того времени, когда развитие данных процессов не проявлялось в достаточно ярких и «чистых» формах. Историки, которые не замечают таких проявлений в России в XVII — первой половине XVIII в., вольно или невольно забывают, что в первое столетие-полтора достаточно «чистых» проявлений этих процессов не было даже в Англии.

Примеры недооценки развития нового и разложения старого в России XVII — первой половины XVIII в. можно найти в коллективном докладе «Переход России от феодализма к капитализму». Именно его авторы не считают капитал, вложенный в речной транспорт, разновидностью промышленного капитала. Они же вместо анализа видов капитала и оценки их соотношений акцентируют внимание на количественном преобладании внутри «фирмы XVII в.» купеческого капитала над промышленным и после этого объединяют различные виды капитала в один, объявляя его купеческим. Вот одна из их оценок таких «фирм XVII в.», то есть купеческих хозяйств, владельцы которых вложили часть капитала в транспорт, организацию добычи соли, винокуренных и кожевенных предприятий: «Совершенно очевидно, что деятельность Калмыковых и им подобных купцов не может служить доказательством возникновения капитализма, ибо функционирование купеческого капитала является таким же древним, как и товарное производство»²².

Конечно, в крупных купеческих хозяйствах XVII — начала XVIII в. промышленный капитал занимает подчиненное место, но констатировать его наличие и оценить его, не смешивая с купеческим, чрезвычайно важно — это новое качество. Прежде, в частности в XV — первой половине XVI в., в России не было купеческих хозяйств, в которых соединялись купеческий, ростовщический и промышленный виды капитала. Соединение этих видов капитала в одном хозяйстве характерно для купеческих хозяйств переходной от феодализма к капитализму эпохи. Авторы коллективного доклада недооценивают то обстоятельство, что установление в этот период связи между купеческим и ростовщическим капиталом и промышленным производством является одним из путей возникновения промышленного капитала²³. Причем само возникновение такой связи может служить одним из показателей того, что происходящее в обществе разложение старого способа производства ведет к возникновению нового способа производства.

То, что авторы доклада не анализируют факты, проявившиеся не в «чистом» виде, особенно наглядно обнаружилось при характеристике ими рынка рабочей силы XVII — первой половины XVIII века. Во-первых, их «рынок рабочей силы» — категория особого рода, так как его возникновение и развитие не связано с процессами первоначального на-

²¹ «Хозяин извозного предприятия, управляющий железной дорогой, судовладелец — не «купцы», — считал К. Маркс. «Начало существованию промышленного капитала, — указывал Ф. Энгельс, — было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 317; ч. II, стр. 479; см. также т. 24, стр. 64—65 и др.).

²² «Переход от феодализма к капитализму в России», стр. 27—29.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 367—369; т. 46, ч. I, стр. 496.

копления и генезиса капитализма. Эти процессы возникают, по их мнению, в 60-е годы XVIII в., а названный «рынок» (появившийся неизвестно когда и как) в XVII—первой половине XVIII в. уже существует, но постоянно сокращается вследствие эволюции старого способа производства. Под «состоянием рынка рабочей силы» авторы доклада понимают не наличие слоя продавцов рабочей силы и не их эксплуатацию в определенных сферах производства, а наличие в городе и деревне слоя «лично свободных производителей» и резервы «незакрепощенного труда». Поэтому, во-вторых, процесс закрепощения производителей (то есть сокращения слоя «лично свободных производителей» и резерва «незакрепощенного труда») вследствие принятия уложения 1649 г., проведения сысков беглых во второй половине XVII в., первой ревизии и тому подобных мер отождествляется ими с сокращением рынка рабочей силы и поглощением «ростков капиталистических отношений... усиливавшимся крепостничеством»²⁴. Надо заметить, однако, что, сталкиваясь с более «чистыми» проявлениями первоначального накопления и генезиса капитализма, авторы возвращаются к общепринятому пониманию категории «рынок рабочей силы». Они не ищут в последней трети XVIII—первой половине XIX в. слоя «лично свободных производителей», а довольствуются реальными продавцами рабочей силы, которые имелись в феодально-крепостнической России²⁵.

Между тем в литературе накопились факты, позволяющие охарактеризовать, хотя и в общих чертах, процесс формирования рынка рабочей силы в России. Этому вопросу посвящено несколько специальных работ. Первые определенные свидетельства начала формирования рынка рабочей силы относятся ко второй четверти XVII века. Позднее, во второй половине XVII — первой половине XIX в., такие факты становятся все более частыми. В это время уже отсутствуют местные корпорации, обладавшие монопольным правом на какой-либо вид торгово-промышленной деятельности; устранены и другие препятствия для развития внутреннего рынка. Примерно с XVII в., указывал В. И. Ленин, начинается «новый период русской истории», который характеризуется, в частности, «концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»²⁶.

Экспроприация непосредственных производителей происходила в ходе разложения феодального строя, а также сохранившихся при нем пережитков более старых формаций²⁷. В процессе этого разложения от средств производства отделялось как ремесленное население городов, так и крестьянство. Но экспроприация ремесленников играла второстепенную роль, тогда как отделение от средств производства крестьян, то есть «экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляла основу всего процесса»²⁸.

В России во второй четверти XVII в. уже имелся сравнительно многочисленный слой наемных работников. Их насчитывалось несколько десятков тысяч человек, в 20-х годах XVIII в. было, видимо, не менее 100 тыс., в 60-х годах — не менее 220 тыс., в самом конце XVIII в. — свыше 420 тыс., а в первой половине XIX в. стало значительно больше. Со второй половины XVII в. быстрее всего росло число наемных работников, занятых в обрабатывающей промышленности. В 60-е годы XVIII в. на их долю приходилось до 30% и в конце XVIII в. — до 40% общего числа наемных работников²⁹. Однако абсолютные показатели сами по

²⁴ «Переход от феодализма к капитализму в России», стр. 30—31.

²⁵ См., например, там же, стр. 37, 46 и др.

²⁶ В. И. Ленин, ПСС. Т. 1, стр. 153—154.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 212; т. 23, стр. 180.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 728.

²⁹ См. Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 2; В. К. Яценский. Основные этапы ге-

себе не дают еще достаточно ясной картины, их следует сопоставить с цифрами роста населения России. Сравнив цифры населения России, учтенного в границах первой ревизии, и цифры количества наемных работников за 20—90-е годы XVIII в., можно установить следующее: по отношению к мужскому населению России наемных работников в 20-е годы было 1,3%, в 60-е годы — 2,1% и в 90-е годы — 3%³⁰. Это свидетельствует о медленном темпе роста рынка рабочей силы и, следовательно, о медленном темпе развития процесса первоначального накопления. Темп усиливается с первой половины XIX в., особенно со второй его четверти.

Приведенные факты опровергают положение авторов коллективного доклада о сокращении рынка рабочей силы в XVII — первой половине XVIII в., конечно, если иметь в виду продавцов рабочей силы, а не «лично свободных производителей». Это не означает, однако, что не было колебаний в их численности при наличии общего ее роста. Имелись и многочисленные случаи закабаления наемных работников. Но данные о случаях закабаления следует сопоставлять с общими показателями о состоянии рынка рабочей силы, чтобы точно определить их значение. В свое время А. М. Панкратова без такого сопоставления сформулировала вывод об «общей тенденции закрепощения наемного труда» в XVII в.³¹ Такого сопоставления не осуществили и историки, воспроизводящие ее вывод как бесспорный, хотя он не может быть признан доказанным.

Число наемных работников во второй половине XVII — первой половине XIX в. росло главным образом за счет крестьян. Это означало, что формирование рынка рабочей силы было одним из результатов экспроприации производителей в деревне. Появление на рынке крестьянина, имеющего надел, в качестве продавца рабочей силы отмечено, в частности, на сухоно-двинском пути еще во второй четверти XVII века. Позднее, в XVIII — первой половине XIX в., доля крестьян неуклонно росла. Например, среди учтенных в Нижнем Новгороде в 1722 г. судовых работников (11 119) насчитывалось 8 593 крестьянина (77,2%), в том числе 3 945 помещичьих (около 40% крестьян). Изучение данных крепостных книг 20-х годов XVIII в. также подтверждает преобладание крестьян в массе наемных работников³². Эти факты дают основание полагать, что главной фигурой на рынке рабочей силы России крестьянин стал не позднее начала XVIII века.

В XVII в. выявилась еще одна особенность этого рынка, которая оставалась характерной для него вплоть до 1861 года. На рынке появился работник, который в отличие от западноевропейского не был лично свободным человеком. По отношению к государству и феодалу-крепостнику он оставался крепостным. Это означало, что он должен был платить налог государству и оброк частному владельцу (государственные крестьяне платили оброк государству), а также выполнять различные феодальные повинности. Феодальный же собственник мог пожаловать

незиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5; М. Я. Волков, С. М. Троицкий. О буржуазном расслоении крестьян и складывании рынка наемной рабочей силы в России в первой половине XVIII в. «История СССР», 1965, № 4.

³⁰ Данные о росте населения России взяты из статьи В. М. Кабузана «Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII — первой половины XIX в.» («История СССР», 1959, № 5, стр. 138).

³¹ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, стр. 207.

³² М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки. 1959, № 1, стр. 80; Н. Б. Голикова. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М. 1965, стр. 23—25. В названных здесь работах неточно, на мой взгляд, решен вопрос о найме извозчиков, владевших собственными транспортными средствами. Подавляющую часть извозчиков вряд ли можно считать наемными работниками, эксплуатация которых создает капитал.

такого работника вместе с его наделом другому феодалу (раздача государством земель и крестьян помещикам), передать его по наследству, заложить или продать, причем продать и без надела. Но на рынке по отношению к покупателю его рабочей силы он выступает в качестве свободного рабочего, который не имеет для продажи никакого другого товара, кроме своей рабочей силы.

В. И. Ленин, имея в виду народнические оценки положения К. Маркса о свободном рабочем, писал: «В нашей литературе зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего», — и добавлял, что это положение «вполне верно, как основная тенденция»³³. Процесс разложения феодального строя был длительным, и столь же длительным был процесс экспроприации непосредственных производителей. Первая его стадия характеризуется в целом незавершенностью процесса экспроприации. На эту особенность обращал внимание В. И. Ленин, когда он писал, что «не только у «нас» (в России. — М. В.), но и везде на Западе капитализм до крупной машинной индустрии не мог порвать окончательно связи рабочего с землей»³⁴. Экспроприация производителей на этой стадии находила свое выражение прежде всего в их обнищании вследствие утраты части земли, роста налогов и тому подобных причин. Они были вынуждены искать возможности для воспроизводства условий существования вне своего хозяйства, в том числе путем продажи рабочей силы.

Такие продавцы рабочей силы появились уже во второй четверти XVII века. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно проанализировать сведения о «закладчиках» Духова монастыря, которые сообщила А. М. Панкратова. На основании факта их «заклада» за монастырь она сделала вывод о неизбежной для XVII в. «феодализации найма». Но в приведенном ею примере нет указаний на то, что люди, ставшие «закладчиками» Духова монастыря, были когда-нибудь его «наймитами», то есть отнюдь не отношения найма с монастырем обусловили их «заклад». Зато в сообщенных автором сведениях о «закладчиках» есть ряд указаний на то, что, став крепостными монастыря, они продолжали выступать на рынке рабочей силы. Причем их отлучки не побег. «Закладчики» отлучались с разрешения монастырских властей и по окончании навигации вновь возвращались в нижегородскую монастырскую слободку³⁵. Еще в 1951 г. И. В. Степанов выяснил, что среди рабочих людей Среднего и Нижнего Поволжья второй половины XVII в., именовавшихся в источниках «гулящими людьми», было уже немало крестьян, которые уходили на заработки с разрешения вотчинных или мирских властей, не порывали со своим тяглом и продолжали выполнять свои повинности. Это были те же крестьяне-отходники (так назвал их И. В. Степанов), но без паспортов, которых не существовало во второй половине XVII века³⁶.

Наряду с такими продавцами рабочей силы в XVII в. имелись и многие другие, которые отличались от первых тем, что они либо никогда не являлись крепостными, либо перестали быть ими, покинув свое тягло и феодальных владельцев. Во второй половине XVII — начале XVIII в. число первых (то есть отходников) неуклонно росло, а число вторых («гулящих людей») вследствие процесса закрепощения сокращалось. Причем бывший «вольный» продавец рабочей силы, став кре-

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 171.

³⁴ Там же, стр. 537.

³⁵ А. М. Панкратова. Указ. соч., стр. 205.

³⁶ И. В. Степанов. Гулящие — рабочие люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки». Т. 36, стр. 143—146. Отходничество не сводится к появлению крестьян и горожан на рынке рабочей силы, но в данном случае рассматривается лишь этот аспект отходничества.

постным, далеко не всегда исчезал с рынка рабочей силы, то есть число первых росло и за счет закрепощения вторых. Как показывают некоторые частные данные, уже в начале XVIII в. среди наемных работников преобладали продавцы рабочей силы из отходников³⁷. В результате проведения первой ревизии и введения паспортов в 20-е годы XVIII в. единственным продавцом рабочей силы стал фактически отходник — работник из крестьян и горожан, имевший паспорт, а доля беглых людей на рынке снизилась до ничтожных размеров.

Связь крестьянина, появившегося на рынке рабочей силы, с землей и феодально-крепостником обусловила преобладание на этом рынке работников, которые могли продавать свою рабочую силу лишь на краткий срок. Крепостной человек должен был периодически возвращаться на прежнее место жительства и к своему феодальному владельцу, чтобы, выполнив повинности, получить разрешение на новый уход. Владелец же надела мог отлучиться на заработки после завершения сельскохозяйственных работ с тем, чтобы вернуться к их началу. Отлучка могла быть и более продолжительной, если в деревне не оставалось надела или если в семье имелись другие работники для его обработки. Но в целом работников, которые могли наниматься на длительный срок, то есть постоянных работников, в феодально-крепостнической России было немного. Краткосрочный работник в промышленности, периодически возвращавшийся в деревню, оставался характерной для рынка рабочей силы фигурой даже во второй половине XIX века. В. И. Ленин, использовавший данные Е. М. Дементьева³⁸, показал, что в Московской губернии в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. с бумаготкацких, ситценабивных, шелкоткацких и фарфорово-фаянсовых мануфактур уходило на полевые работы от 30,7 до 72,5% рабочих³⁹.

Процесс формирования рынка рабочей силы, как было показано выше, неразрывно связан не только с экспроприацией непосредственного производителя, но и с генезисом капиталистических отношений. Конечно, и после возникновения такого рынка не всякий наемный труд «полагает» капитал. К такому результату не могло, например, привести использование труда единичных наемных работников в мелкотоварном производстве и в торговле. В этих сферах не только в XVII — начале XVIII в., но и позднее, в частности в XIX в., существовали обычно формы найма, отягощенные наибольшим количеством кабальных условий⁴⁰. Использование наемного труда в торговле XVII—XVIII вв. часто вело к закабалению работника, так как купец хотел получить в качестве доверенного агента «крепкого» ему работника⁴¹. Поэтому не случайно, что большую часть примеров «феодализации найма» в XVII—XVIII вв., то есть закабаления работников, на которых основывается теория «общей эволюции найма к феодальной зависимости», дает использование наемного труда в торговле⁴².

Но в ряде отраслей общественного производства использование наемного труда, участвовавшее в связи с появлением рынка рабочей силы, уже в XVII в. привело к возникновению различных форм капиталистической кооперации. С этого времени эксплуатация наемного труда стала основой развития речного транспорта России и многих предприятий

³⁷ М. Я. Волков, С. М. Троицкий. Указ. соч., стр. 92—93.

³⁸ Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М. 1893.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 538—539.

⁴⁰ См., например: М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 80—82.

⁴¹ Наиболее «крепким» доверенным агентом купец считал своего крепостного, затем работника, «заживавшего» свой долг, и лишь после них работника, нанятого обычно на длительный срок на кабальных условиях.

⁴² На это обстоятельство уже обращалось внимание. См. М. Я. Волков, С. М. Троицкий. Указ. соч., стр. 90.

добывающей промышленности (соляных и рыбных промыслов). Сопоставление условий найма судовых работников позволяет заметить, что уже в договорах конца XVII—первой четверти XVIII в. нет тех кабальных условий, которые имелись в договорах первой половины XVII века⁴³. По мере роста рынка рабочей силы росло и число отраслей производства, в которых появляются капиталистические предприятия. С середины XVII в. они возникают в винокуренной, кожевенной и канатно-прядельной отраслях, а позднее — в ряде других, в том числе и в текстильной промышленности.

Все приведенные факты указывают на наличие в России с XVII в. процессов первоначального накопления и генезиса капиталистических отношений. Но развитие процесса первоначального накопления на первой стадии совпадает по времени не просто с зарождением капиталистических отношений, а именно с мануфактурным периодом в развитии капитализма. Этот критерий не использовался в настоящей статье выше для определения начала первоначального накопления и оценки результатов его развития по той причине, что категория «мануфактурный период» понимается советскими историками различно. Поэтому предварительно важно прийти к общему пониманию этой категории и лишь затем пользоваться ею как критерием.

Не имея возможности решить здесь эту задачу, ограничимся несколькими замечаниями, которые, на наш взгляд, могут облегчить поиск приемлемой для всех точки зрения. Думается, что при решении этой задачи следует четко отделять суть явления от его проявлений, которые отличаются многообразием в силу влияния разных обстоятельств, и не принимать отсутствие идентичных проявлений за отсутствие самого явления. Например, сезонность в функционировании предприятий многих отраслей промышленности России. Ее происхождение обусловлено влиянием различных эмпирически данных обстоятельств: состоянием рынка рабочей силы, периодичностью в поступлении сырья, климатическими условиями и некоторыми иными причинами.

Оценивая влияние этих обстоятельств, Н. И. Павленко предприятия первой половины XVIII в., которые на ряд месяцев прерывали или резко сокращали свою работу, квалифицирует как мелкотоварное производство⁴⁴. Согласиться с такой оценкой невозможно, так как Н. И. Павленко допускает здесь смещение сути явления (в данном случае — формы организации производства) и его проявлений. Сезонность в функционировании промышленных предприятий многих отраслей России была их характерной особенностью не только на мануфактурной стадии, но для некоторых отраслей остается ею и на машинной стадии (фабричное производство сахара, растительного масла и т. д.). Речное же судоходство из-за климатических условий и поныне остается сезонным, хотя оно давно развивается на машинной основе. Констатирование сезонности, как и некоторых других особенностей (в том числе текучести рабочей силы), не дает ответа на вопрос о формах организации производства. Такой ответ можно получить только путем анализа самих этих форм, то есть путем изучения сути явления.

Далее, при оценке форм организации производства важно учитывать специфику. Например, по определению К. Маркса, транспортная промышленность, в том числе судоходство, проходит в своем развитии те же ступени, что и обрабатывающая, добывающая и земледельческая, а именно — ремесленную, мануфактурную и машинную⁴⁵. Выделение здесь мануфактуры (и мануфактурной стадии) невозможно на основе признаков, определенных К. Марксом и В. И. Лениным для обрабаты-

⁴³ Там же, стр. 93—94.

⁴⁴ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 95—96.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. 1, стр. 422.

вающей промышленности, так как предмет транспортировки (товар, пассажир) не подлежит переработке при пространственном перемещении. Критерий, предложенный Н. И. Павленко, нам также кажется непригодным. Он пишет об использовании наемных «судовых» рабочих в XVII—XVIII вв: «Одни из этих рабочих обслуживали мелкие суда, что соответствует мелкому товарному производству, другие — крупные (насады), которые вверх по Волге тянуло иногда свыше 200 человек. Такие артели представляли форму производства, типичную для капиталистической простой кооперации; здесь было примитивное разделение труда (один кормщик, два водолива, остальные тяглые)»⁴⁶. Автор считает, что для определения форм организации производства достаточно взять одно транспортное средство (например, речное судно) и количество обслуживающих его работников. Однако с помощью такого критерия нельзя понять явлений в транспортной промышленности XVII—XVIII веков. Если принять точку зрения Н. И. Павленко, то следует считать, что гость И. Д. Панкратьев, использовавший для вывоза соли Сергеевского промысла и завоза туда необходимых припасов 14—20 речных судов, которые обслуживали свыше 600 работников, являлся владельцем 14—20 транспортных предприятий типа простой капиталистической кооперации. В действительности же это было одно крупное транспортное предприятие⁴⁷.

Те же требования необходимо соблюдать и при оценке форм организации производства в добывающей промышленности. Здесь цель — добыть тот или иной предмет, существующий в природе в готовом виде (лов рыбы, добыча угля и т. п.). Причем часто внутри добывающего предприятия предметы добычи не подвергаются переработке, а некоторые из них и не нуждаются в ней (например, соль). Учитывая эту специфику, Н. В. Устюгов предложил считать предприятием в солеварении промысел, а крупный промысел, состоящий из группы варниц, — мануфактурой⁴⁸. Точка зрения Н. В. Устюгова нуждается в уточнении. В частности, следует уточнить, что считать одним промыслом одного владельца⁴⁹ и какое минимальное число варниц имеет промысел-мануфактура. Иначе к мнению Н. В. Устюгова подходит Н. И. Павленко: он подменяет понятие «промысел-мануфактура» понятием «варница-мануфактура» и после заявляет, что «варницы не могут быть мануфактурами»⁵⁰.

Соблюдение указанных требований при изучении истории русской промышленности позволяет заметить, что как только в тех или иных отраслях обрабатывающей, добывающей и транспортной промышленности возникает простая капиталистическая кооперация, так вскоре в них же появляется и мануфактура — более развитая форма кооперации. Именно об этом, по нашему мнению, писал К. Маркс в главе о кооперации⁵¹. Но есть и иное понимание значения простой капиталистической кооперации. Например, согласно интерпретации Н. И. Павленко, в России кооперация в «простом своем виде» существовала в ряде отраслей веками, не порождая более развитого вида кооперации (мануфактуры); кооперация, по его мнению (вопреки его же словам), является чрезвы-

⁴⁶ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 96.

⁴⁷ См. В. Г. Гейман. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII веке. «Летопись занятий Археологической комиссии». Вып. 35. Л. 1929, стр. 17—19, 31.

⁴⁸ См. Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М. 1957. Эту точку зрения поддержали В. Г. Гейман, П. А. Колесников и Г. С. Рабинович, исследовавшие историю солеварения в других районах России XVII века.

⁴⁹ Например, считать ли группу варниц гостя В. И. Грудцына в Тотье и группу его же варниц в Леденге, Тотемского уезда, одним промыслом или это два промысла.

⁵⁰ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 90.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 347.

чайно прочной и характерной формой организации производства в речном судоходстве, солеварении и других отраслях⁵².

По нашему мнению, начало мануфактурной стадии в ряде отраслей русской промышленности можно датировать серединой — второй половиной XVII в. (речное судоходство, солеварение, рыбные промыслы Среднего и Нижнего Поволжья, винокурение и другие). Позднее, в XVIII — первой половине XIX в., капиталистическая мануфактура становится характерной и для ряда других отраслей промышленности России. Но для обоснования этой датировки, как и возможных других, понадобится не только обстоятельно рассмотреть вопрос о понимании категорий «мануфактура» и «мануфактурный период», но и изучить формы организации производства во многих отраслях промышленности России XVII—XVIII веков.

Изучение процесса формирования рынка рабочей силы и связанных с ним моментов генезиса капитализма позволяет увидеть ряд важных особенностей первоначального накопления в России. Главный же итог изучения сводится к констатации наличия этого процесса с XVII века. После этого целесообразно обратиться к характеристике эволюции старого способа производства в XVII — первой половине XIX века.

Разложение феодализма в России шло по тому же пути, что и во всех странах Европы, — оно приводило к экспроприации непосредственных производителей. Но характер этого разложения имел своеобразный отпечаток, обусловленный влиянием эмпирически данных обстоятельств. К двум основным из них, названным выше (крепостничество и возможность распространения крепостнических отношений вширь), можно здесь добавить и третье — активное участие класса феодалов-крепостников в перестройке сельскохозяйственного и отчасти промышленного производства. И русских феодалов обуяла жажда денег. Но в отличие от новой феодальной знати Англии они выдвинули своим лозунгом не «превращение пашни в пастбище для овец», что влекло за собой разрушение «традиционных отношений земельной собственности»⁵³, а захват населенных земель (то есть прежде всего крестьян) и видоизменение старых отношений, при сохранении и укреплении их основы (феодальной собственности на землю и на крестьян) с целью увеличения своих доходов.

Эти обстоятельства послужили причиной своеобразия эволюции феодальных отношений в России XVII — первой половины XIX века. Назовем лишь наиболее характерные ее черты. Во-первых, неполная собственность на личность и труд крестьянина превращается фактически в полную, близкую к рабовладельческой, а сами производители становятся товаром. Уже в XVII в. складывается практика продажи крестьян как с землей, так и без нее. Во-вторых, сохранение за крестьянином земли и орудий производства утрачивает значение обязательного условия для получения феодальной ренты. Как «месячнинник», занятый в барском хозяйстве, так и оброчный крестьянин, живущий в городе, были лишены земли и орудий для ее обработки. Обязательным условием получения с них феодальной ренты являлось право собственности феодала на личность крестьянина и все его имущество, а средством ее получения — наличие возросшего внеэкономического принуждения. Те же

⁵² Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 90—94—97, 102. П. Г. Рынцунский справедливо указывает, что такого рода оценки являются, в частности, результатом неправильного цитирования К. Маркса, когда неправомерно урезывается текст (см. «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма». Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М. 1969, стр. 238). Исследователи используют обычно положение, что кооперация «не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства», отрывая его от предшествующего и от последующего текста высказывания К. Маркса.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 730, 734.

факторы приобрели определяющее значение при получении ренты со всех крепостных крестьян с той лишь разницей, что отрыв их от земли был менее полным, чем у «месячничика» и оброчного крестьянина, осевшего в городе. В-третьих, возникает и становится все более прочной связь между феодальным хозяйством и рынком, нашедшая выражение, в частности, в наибольшем распространении двух форм ренты — отработочной и денежной. Первая из этих форм преобладала там, где с рынком было связано собственное хозяйство феодала. Это влекло за собой возникновение вотчинных и иных промышленных предприятий, основанных на эксплуатации крепостного труда, и крупного производства сельскохозяйственных продуктов на продажу, с одной стороны, и рост отработочной ренты — с другой. Денежная рента играла преобладающую роль в тех хозяйствах, которые были связаны с рынком через крестьянское хозяйство. Основные изменения, вызванные укреплением связи с рынком, происходили здесь в крестьянском хозяйстве, а их выражением был непрерывный рост денежной ренты.

Главным источником этой эволюции феодального строя России являлось изъятие у крестьянина продукта сельскохозяйственного труда «сверх определенной меры»⁵⁴. Ее итоги сводятся к следующему: непрерывный рост доходов феодалов-крепостников и государства, с одной стороны, и растущее отделение основной массы производителей от средств производства — с другой. Наиболее «чистым» результатом отделения крестьян от земли до 1861 г. было появление «месячничика» в барщинном хозяйстве и продавца рабочей силы, не имеющего собственного хозяйства, в оброчном хозяйстве. В ходе же самой эволюции старого способа производства в XVII — первой половине XIX в. последний итог обнаруживается как основная тенденция этой эволюции.

Однако, хотя экспроприация крестьян происходила во всех категориях феодальных хозяйств, в том числе и в государственном, отнюдь не все ее результаты в условиях феодально-крепостнической России становились частью процесса первоначального накопления. Такой частью были лишь те результаты, которые приводили к встрече на рынке производителя, ставшего продавцом рабочей силы, и собственника денег. До 1861 г. они выявились в оброчной владельческой и дворцовой вотчине и в государственной деревне и в очень слабой степени — в барщинной деревне (например, при барщине с работой «брат на брата») ⁵⁵. Большая же часть барщинных крестьян из самостоятельных производителей превращалась по мере их освобождения от земли в крепостных работников вотчинных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Полностью или почти полностью экспроприированные барщинные крестьяне и крепостные работные люди государственных промышленных предприятий составили в России основу для «смены форм», то есть для «непосредственного превращения... крепостных в наемных рабочих» ⁵⁶. Освобожденные от средств производства до 1861 г., но не выступавшие тогда на рынке рабочей силы, они после отмены крепостного права сразу становятся продавцами рабочей силы.

Возвращаясь в связи с рассмотрением эволюции старого способа производства к вопросу о датировке начала процесса первоначального накопления в России, заметим, что события, наложившие отпечаток на ход экспроприации производителей, относятся к концу XVI — первой половине XVII в. (утверждение крепостного права, массовое бегство крестьян и т. д.). Причины массового бегства в конце XVI—XVII в. — это в первую очередь реакция крестьян на изъятие у них продукта сельскохозяйственного труда «сверх определенной меры» и во вторую — реак-

⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 408.

⁵⁵ См., например, «Переход от феодализма к капитализму в России», стр. 254—256.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 770.

ция на изменения их правового положения. Такая оценка позволяет датировать начало экспроприации производителей, формирование рынка рабочей силы и генезиса капиталистических отношений примерно одним временем, причем первый процесс (экспроприации производителей) начался, естественно, несколько ранее второго и третьего.

Л. В. Милов поставил также вопрос о соотношении насильственных и «ненасильственных» методов в российском варианте первоначального накопления. Но из его суждений неясно, какие методы имели определяющее значение. Видимо, предпочтение автор отдает все же «ненасильственным» методам, так как ставит экспроприацию, совершавшуюся «в силу действия экономических рычагов», на первое место, а «бесчисленные микроакты насилия» (что это? — М. В.) — на второе⁵⁷. На наш взгляд, в России до 1861 г. основное значение имели насильственные методы, хотя они и были, как справедливо замечает Л. В. Милов, «представлены менее ярко, менее определенно», чем в свое время в Англии. Решающую роль сыграли фискальный гнет государства (особенно для государственных крестьян) и возросшие платежи и повинности закрепощенного крестьянства в пользу феодалов-крепостников. Эти же факторы обусловили появление в России широкой основы для «смены форм». Напротив, экспроприация, которая совершалась «в силу действия экономических рычагов», имела второстепенное значение.

⁵⁷ Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 91—92. С той же постановкой вопроса и примерно с таким же ответом мы встречаемся в его статье «К постановке вопроса о расстройстве крестьянства в России XVII в.» («История СССР», 1963, № 3, стр. 122—124).